

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1916**

Выпуски 5-12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1916: Выпуски 5-12 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 602 с.

ISBN 978-5-458-48417-6

Оригинальное название: Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1916. Выпуски 5-12 «Русский архивъ» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев — историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подобрал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-48417-6

© Издание на русском языке, оформление «YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

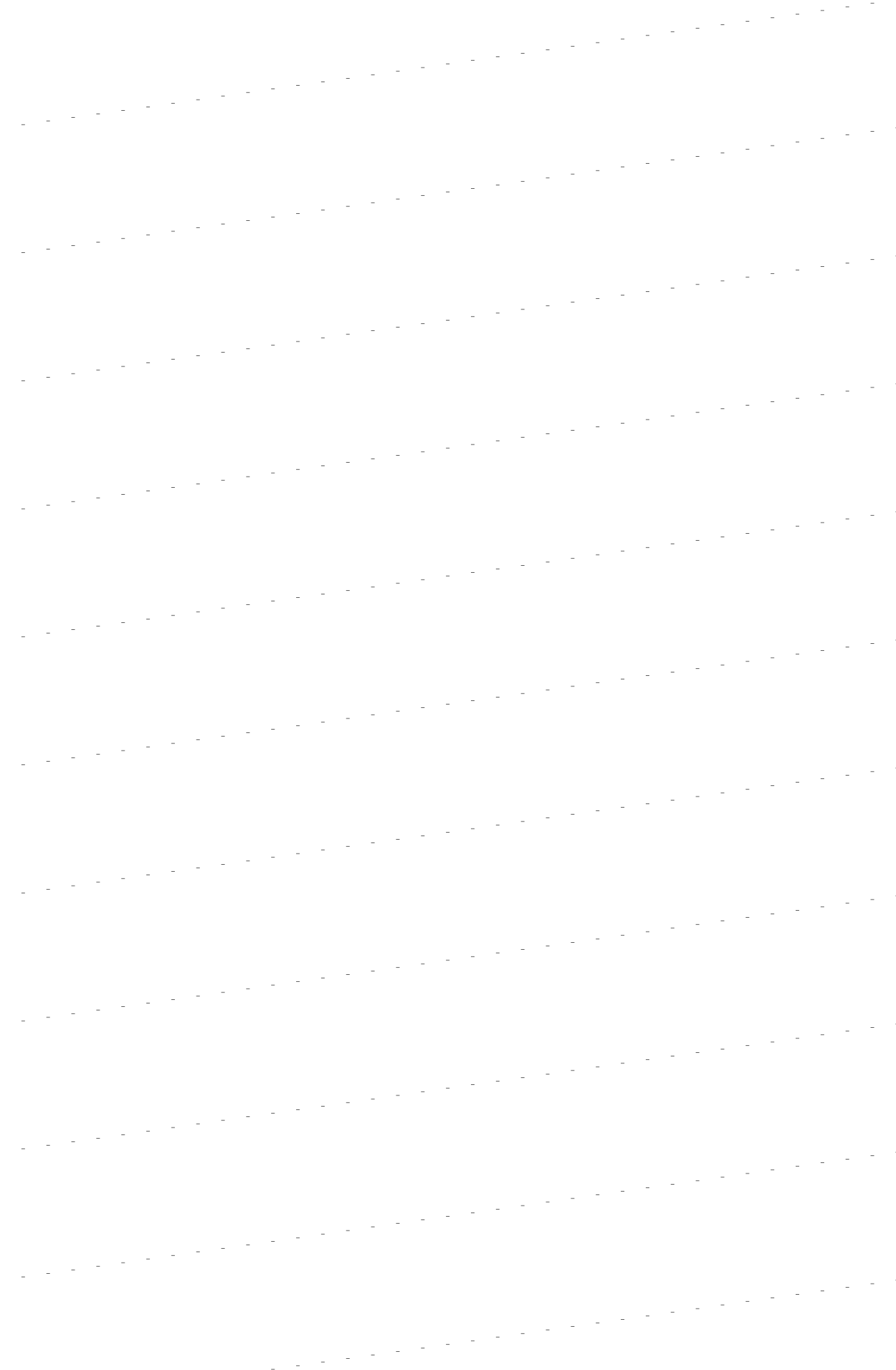
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

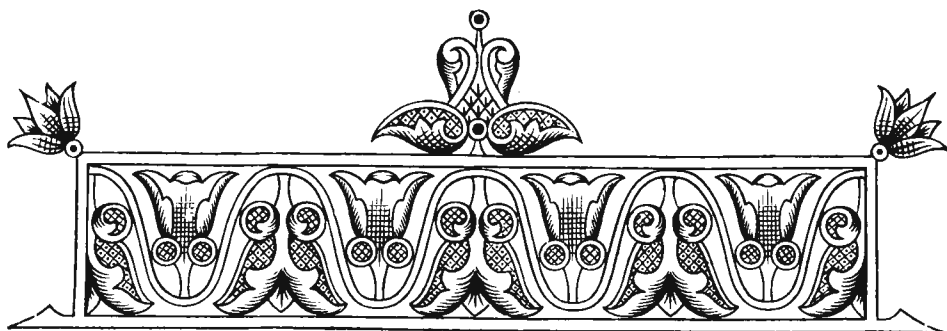
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПИСЬМО А. Д. БЛУДОВОЙ КЪ ОТЦУ.

Павловскъ 19 іюня 1847 г.

Я писала Вамъ о Хомяковѣ и что онъ долго говорилъ съ нами о правительствѣ, о взяткахъ, о крестьянахъ и пр. и пр. Онъ говоритъ, что взяточники почти всегда добрые люди, что они отдають до послѣдняго гроша бѣдному и что виноваты не они, а система; „un système faut que tout le monde sent être faux et que le gouvernement ne sait comment changer. D'ou vient, nous dit il, que nous autres, en province, nous sentons le découragement profond de tous les honnêtes gens qui font partie du gouvernement? Ils voudraient remédier à ce qu'ils voient être si mauvais et ils ne savent pas s'y prendre, car ils ne connaissent pas la force et les ressources du pays. Pour l'émancipation, par exemple, cela ne doit pas se faire par une loi—une loi n'est bonne que quand elle cesse d'être loi et devient coutume, il faut que cela soit entré dans les moeurs. Dans l'intérieur on travaille beaucoup à libérer doucement et sans secousses les paysans, mais les paysans, les premiers, ne veulent pas avoir à faire à la police, et ce changement s'opère doucement et j'erre sans que le gouvernement s'en doute“.¹⁾

¹⁾ Ложная система, ложность коей всѣ чувствуютъ и которую правительство не знаетъ, какъ измѣнить. Отсюда происходитъ, говорилъ онъ намъ, что мы прочіе, живущіе въ губерніяхъ, чувствуемъ глубокое разочарованіе, въ честныхъ людяхъ, стоящихъ у власти. Они хотѣли бы исправить то, что видятъ плохого, но не знаютъ, какъ взяться, такъ какъ не знаютъ силъ и средствъ страны. Напримѣръ, по поводу освобожденія крестьянъ, это не должно произойти *посредствомъ закона*, ибо законъ хорошъ лишь тогда, когда перестаетъ быть *таковымъ* и становится *обычаемъ*, нужно, *чтобы это вошло въ обиходъ*. Внутри очень работаютъ надъ освобожденіемъ крестьянъ тихо и безъ потрясеній, но крестьяне первые не хотятъ имѣть дѣла съ полиціей, и эта перемена происходитъ тихо и незрѣваетъ, безъ того, чтобы правительство что либо замѣтило.“

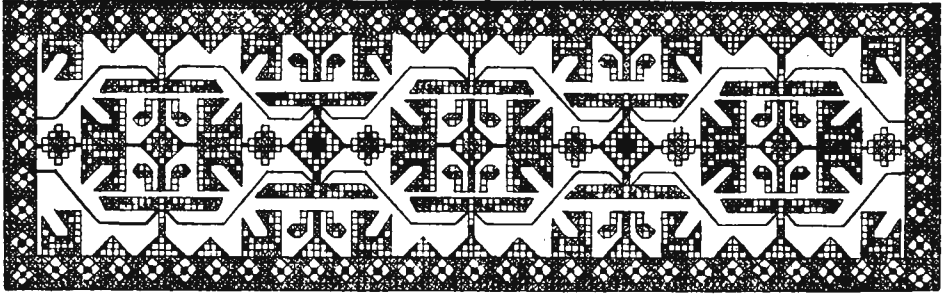
Croyez vous lui ai je demendé que cela puisse se faire sans violent bouleversement? Sans aucun doute, me répondit il „à moins qu'on n'y mette beaucoup d'adresse“. Il s'est mis à rire et finit par nous raconter comment le maréchal Saltykoff, jouant au boston, demaudait à son aide de camp: „Какъ думаешь, восемь въ сюрсахъ, можно выиграть? Et comment l'autre lui répondit: „Съ умкомъ можно Ваше Сіятельство“. Il fait une grimace expressive et d'un comique extrême en achevant la phrase!—

Adieu cher papa etc etc. ¹⁾

¹⁾ Думаете ли вы, спросила его, что это можетъ совершиться безъ сильнаго потрясенія? „Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ онъ мнѣ, если къ этому не приложимъ чрезмѣрнаго старанія.“ Онъ началъ смѣяться и кончилъ разговоромъ, какъ фельдмаршалъ Салтыковъ, играя въ бостонъ, спрашивалъ своего адъютанта: „Какъ думаешь, восемь въ сюрсахъ, можно выиграть?“ и какъ тотъ отвѣчалъ ему: „Съ умкомъ можно, Ваше Сіятельство“. Онъ дѣлаетъ выразительную гримасу необычайно смѣшную, оканчивая фразу.

Прощайте, милый папа ест.,

Изъ воспоминаній Н. А. Малевского-Малевица

Глава шестая

Тетушка Надежда Александровна Розова, о которой я упоминалъ въ главѣ 4-ой, вышла замужъ уже не молодой дѣвицей. лѣтъ 35-ти, за доктора медицины Константина Михайловича Балашова, прозектора анатоміи въ Московскомъ Университетѣ.

По разсказамъ тетушки, Константинъ Михайловичъ родился въ домѣ небогатаго помѣщика одного изъ лѣсныхъ уѣздовъ Смоленской губ. Онъ осиротѣлъ еще ребенкомъ и по достиженіи школьныхъ лѣтъ былъ помѣщенъ родственниками въ 1-ую Московскую гимназію пансіонеромъ, на казенный счетъ. Туда же вскорѣ поступилъ братъ Надежды Александровны—Константинъ Александровичъ Розовъ. Этимъ и началось знакомство Балашова съ семьей Розовыхъ, гдѣ онъ впоследствии былъ принятъ, какъ свой. Хотя и предоставленный своими родственниками на произволъ судьбы, Константинъ Михайловичъ велъ себя въ гимназіи образцово, учился усердно и пользовался среди своихъ товарищей большимъ уваженіемъ за огромную физическую силу, невозмутимое спокойствіе и упорный характеръ. Гимназію онъ окончилъ успѣшно и поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго Университета на казенную стипендію. Этимъ опредѣлилась вся послѣдующая его карьера: какъ казенный студентъ на отличномъ счету, онъ по окончаніи курса былъ оставленъ при Университетѣ, защитилъ докторскую диссертацию и получилъ мѣсто прозектора анатоміи съ казенной квартирой. Въ стѣнахъ Университета, гдѣ онъ жилъ сперва казеннымъ студентомъ, а потомъ прозекторомъ, провелъ онъ и свою юность и всѣ 35 лѣтъ своей ученой службы. Другой „alma mater“ у него не было.

Въ домѣ Розовыхъ Константинъ Михайловичъ былъ принятъ со студенческихъ лѣтъ и пользовался большимъ расположеніемъ дѣдушки Александра Ивановича. Но прошло не мало времени, пока Константинъ Михайловичъ и Надежда Александровна поняли, что они созданы другъ для друга. Дѣдушки уже не было въ живыхъ и благословила ихъ на бракъ бабушка Юлія Федоровна Розова. Мнѣ было тогда около 8-ми лѣтъ и я хорошо помню, какъ Константинъ Михайловичъ, придя къ намъ однажды въ обычный часъ, долго бесѣдовалъ съ бабушкой въ ея комнатѣ и какъ потомъ позвали тетущку Надежду Александровну, и бабушка, указывая ей на Константина Михайловича сказала: „вотъ тебѣ женихъ, а ты ему невѣста“, а потомъ заплакала, и стала цѣловать ихъ обоихъ и крестить.

Помню и тетущкину свадьбу. Меня посадили съ образомъ въ карету и повезли въ домовую церковь Университета, на углу большой Никитской и Моховой, гдѣ состоялось вѣнчаніе. На мнѣ была новая канаусовая рубашечка цвѣта „солферино“, подарокъ тетущки, подпоясанная золототканымъ пояскомъ съ кистями, черные плисовые шаровары и козловые сапожки съ красными отворотами. Помню, что изъ церкви, послѣ вѣнчанія, поѣхали въ какой-то незнакомый домъ, гдѣ было много народа и гдѣ меня угощали шеколадомъ, конфетами и сладкимъ пѣнистымъ виномъ. Домой я привезъ со свадьбы большую сахарную конфету въ серебряной бумажкѣ съ бантомъ и картинкой и долго хранилъ у себя въ завѣтной шкатулкѣ эту драгоценность.

Константинъ Михайловичъ имѣлъ представительную внѣшность: средняго роста, плечистый, большоголовый, съ шапкой черныхъ волосъ и съ густой окладистой бородой, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка богатырской силы и желѣзнаго здоровья. Такимъ онъ и былъ съ молодю: но тяжелый трудъ въ анатомическомъ театрѣ и особенно судебно-медицинскія вскрытія надорвали его организмъ раньше времени. Его дѣятельность несомнѣнно отражалась и на его настроеніи,— онъ бывалъ временами очень молчаливъ и угрюмъ. Но кто зналъ его ближе, открывалъ подъ этой непривѣтливой оболочкой чувствительное сердце, полное благородныхъ порывовъ, и не могъ не уважать прямоты его характера и честности его взглядовъ. Всякая условность, притворство, искательность возбуждали въ немъ глубокое отвращеніе. По всему складу своему онъ былъ истинно русскимъ человѣкомъ: сильный тѣломъ и духомъ, горячо преданный родинѣ, неутомимый въ исполненіи долга.

Домашняя жизнь супруговъ Балашовыхъ протекала чрезвычайно мирно; друзья не даромъ называли ихъ „Филимономъ“ и „Бавкидой“;

дѣтей у нихъ никогда не было, они жили другъ для друга, а подѣ старость перенесли на меня и на сестру мою свою сердечную заботливость.

Зимой Константинъ Михайловичъ былъ очень занятъ и мы рѣдко его видали: онъ цѣлые дни проводилъ въ анатомическомъ театрѣ, занимаясь съ сотнями студентовъ медиковъ первокурсниковъ. Зато лѣтомъ, въ вакаціонные мѣсяцы, мы, дѣти, были постоянными спутниками его деревенскихъ досуговъ. Тетушка съ мужемъ проводила лѣто въ своемъ Лукьяновѣ. Здѣсь Константинъ Михайловичъ отдыхалъ отъ зимнихъ трудовъ и всецѣло отдавался деревенской беззаботной жизни и невиннымъ деревенскимъ наслажденіямъ: разсаживалъ цвѣты въ саду, стригъ сушь на молодыхъ яблоняхъ, подвязывалъ на балконѣ побѣги цвѣтущей фасоли, собиралъ ягоды; но особенно любилъ ходить въ лѣсъ за грибами, костеникой и ландышами. Въ лѣсу онъ бродилъ часами и мы, дѣти, часто сопровождали его, и распѣвали съ нимъ старинныя пѣсенки, которымъ онъ насъ обучалъ съ голоса. Пѣли втроемъ:

За Ураломъ, за рѣкой
Казакъ гуляютъ,
И стрѣлю калѣной
За рѣку бросаютъ!

или:

Одинъ баронъ, большой любитель псовъ,
Жилъ съ деревенской простотою
Опъ цѣлый день, гоня русаковъ,
Погрызъ въ долгахъ и съ головою.

По вечерамъ, въ Лукьяновѣ, сидя за стаканомъ чая, Константинъ Михайловичъ любилъ слушать наше чтеніе вслухъ; я съ сестрою по очереди читали доступныя нашему возрасту повѣсти Загоскина и Лажечникова и рассказы Купера, Эмара, Майнъ-Рида и Жюль Верна. Константинъ Михайловичъ очень увлекался послѣднимъ, а я больше всего любилъ военные рассказы и много разъ перечитывалъ иллюстрированную исторію семилѣтней войны. Подѣ влияніемъ этой книги—„быть полководцемъ“ сдѣлалось моею мечтою; я воображалъ себя главнокомандующимъ арміей; давалъ въ Лукьяновскомъ саду сраженія непріятелю; бралъ осажденные крѣпости, дѣлалъ смотры, чертилъ планы баталій. Воображеніе мое сильно работало: засыпая по вечерамъ, я рисовалъ себѣ картины походной жизни, передвиженія войскъ и обозовъ, подводилъ счетъ боевыхъ частей и резервовъ. Игра эта продолжалась недѣлями и мѣсяцами и совершенно наполняла мое существованіе, притомъ не требовала ни сверстниковъ, ни осо-

быхъ игрушекъ: достаточно было взять въ руки самодѣльную деревянную саблю и я чувствовалъ себя уже на конѣ, передъ своими полками. Перебѣгая изъ одного угла Лукьяновскаго сада въ другой, я завоевывалъ всю Европу.

Я и сестра моя очень любили бывать у тетушки Надежды Александровны въ университетской квартирѣ. Бывало зимой бабушка Юлія Федоровна соберется къ одной изъ своихъ старинныхъ пріятельницъ—Евгеніи Петровнѣ Рѣшетниковой, или къ Еленѣ Осиповнѣ Жарковой, или къ Екатериѣ Владиміровнѣ Быстроглазовой, а меня съ сестрой, что-бы не оставлять дѣтей дома однихъ, пошлетъ съ нянюшкой Ольгой Матвѣевной къ Балашовымъ обѣдать. Весело ѣхать въ саняхъ по снѣжнымъ сугробамъ московскихъ переулковъ: полозья скрипятъ, легкій морозецъ пощипываетъ щеки, комки снѣга летятъ отъ лошадиныхъ копытъ и закидываютъ полость; вотъ выѣхали къ Никитскимъ воротамъ и по большой Никитской спустились мимо Никитскаго монастыря и старинныхъ барскихъ домовъ къ Университету; вотъ и круглые часы на углу Моховой, по которымъ Москва измѣряетъ свое время. Санки круто поворачиваютъ и въѣзжаютъ въ ворота съ глобусами на каменныхъ столбахъ, за чугунную рѣшетку, на обширный дворъ. Противъ воротъ, на взгорьѣ высокое величественное зданіе съ колоннами и фронтономъ—это аудиторія юридическаго факультета, гдѣ я впослѣдствіи въ 70-хъ годахъ слушалъ лекціи Чупрова, Муромцева, Ковалевскаго. Въ дальнемъ концѣ двора длинный каменный двухъэтажный флигель съ окнами на Моховую. Здѣсь, за небольшимъ полисадникомъ квартира Балашовыхъ. Она не велика—всего шесть комнатъ, но удобна и обставлена очень уютно. Особенно памятна мнѣ тетушкина комната окнами на Моховую, съ старинной дѣдовской мебелью краснаго дерева; тутъ все блеститъ чистотой: и фамиліное трюмо, и спинки кресель, и вещицы на комодѣ, и золоченныя ризы на образахъ въ углу.

Негромко звонитъ колокольчикъ. Дверь отворяетъ прислуга Балашовыхъ древняя старуха Авдотья Савельевна, еще очень бодрая и подвижная для своихъ 70-ти лѣтъ. Савельевна въ черномъ атласномъ повойникѣ, кацавейкѣ, въ покровчатыхъ башмакахъ. Она радостно насъ привѣтствуетъ и, освободивъ насъ отъ наушниковъ, теплыхъ бархатныхъ сапогъ, шубокъ и варежекъ, ведетъ насъ къ тетушкѣ въ столовую, гдѣ уже накрытъ столъ къ обѣду. Надежда Александровна средняго роста, худоцава, очень схожа съ дѣдушкой Александромъ Ивановичемъ: то же блѣдное лицо, высокій лобъ, тѣ же глубоко сидящіе живые глаза и тонкія насмѣшливыя губы.

Обѣдъ у тетушки былъ вкусный и сытный: рыбныя закуски, куриная похлебка, пирожки съ марковью, отбивныя котлеты съ огурцами домашней солки, сладкіе пироги съ вареньемъ. Константинъ Михайловичъ, какъ коренной москвичъ, любилъ хорошо покушать и самъ часто ходилъ въ Охотный рядъ за балыкомъ, бѣлорыбицей и салфеточной икрой, а на Тверскую, къ Андрееву, за сладостями, фруктами и деликатесами. Савельевна при помощи своей сестры Марьи, также старухи лѣтъ 65-ти, готовила превосходно въ русской печкѣ и была мастерица печь ржаной хлѣбъ и пироги, варить квась, солить огурцы, шинковать капусту и выводить куръ. Куроводствомъ она славилась и держала на университетскихъ задворкахъ курятникъ, въ которомъ для предохраненія отъ „глаза“ вѣшала надъ насѣстомъ „куриного бога“—отбитую ручку бѣлаго глинянаго рукомоиника.

Вкусная стражня Савельевны не всегда проходила намъ, дѣтямъ, безнаказанно: когда мы обѣдывали у тетушки, Савельевна не разъ появлялась изъ кухни справиться, какъ намъ понравилось то или другое блюдо, и съ трогательнымъ усердіемъ убѣждала скушать еще. И мы исправно обѣдались то варениками со сметаной, то слоеными пирожками съ рисомъ, то блинами съ икрой и семгой.

Послѣ обѣда Константинъ Михайловичъ шелъ отдохнуть часокъ, другой, а мы съ тетушкой „сумерничали“, сидя въ неосвѣщенныхъ комнатахъ и слушая ея рассказы про былыя времена. Надежда Александровна любила вспоминать свое дѣтство и раннюю юность, когда такъ весело жилось въ домѣ Розовыхъ. Она обладала рѣдкимъ юморомъ и способностью придавать интересъ всякой мелочи изъ пережитаго. Часто, увлекаясь собственной фантазіей, тетушка начинала мечтать вслухъ и чрезвычайно живо описывала намъ какъ-будто когда-то видѣнныя ею далекія страны, гдѣ вѣчная весна, волшебные сады съ пышно цвѣтущими розами, бѣломраморныя замки съ хрустальными крышами, роскошныя праздники, гдѣ все блескъ, молодость и красота. Мы слушаемъ тетушку и любимъ черезъ незавѣшанныя окна ея комнаты, освѣщенной газовыми рожками улицы, мелькающими „ваньками“, которыхъ настигаютъ бѣгущія за ними тѣни, бѣлыми коллонами „экзерсистауза“ на противоположной сторонѣ. Мнѣ особенно нравилось наблюдать, какъ свѣтъ отъ фонарей пробѣгающихъ каретъ быстро скользитъ по стѣнамъ неосвѣщенныхъ тетушкиныхъ комнатъ, придавая имъ какой-то сказочный оттѣнокъ.

Мы оставались у тетушки обыкновенно часокъ до 9-ти. Вечеръ проходилъ не замѣтно. Зажигалась лампа подъ зеленымъ абажуромъ

на чайномъ столѣ въ тетушкиной комнатѣ. Появлялся самоваръ и душистый мягкій „стрицель“ изъ пекарни Филиппова; тетушка доставала изъ завѣтнаго шкапчика разныя лакомства: сухую пастилу, мармеладъ отъ Абрикосова, мятныя пряники, шепталу, деревенскую смокву. У тетушки всегда хранился въ шифоньеркѣ запасъ всякихъ сластей и мы, дѣти, бывало съ нетерпѣніемъ ждемъ, когда наконецъ откроется завѣтный шкапчикъ.

Послѣ чая тетушка раскладывала грань-пасьянсъ „Пакетики“, „Наполеона“ или „картинную галерею“, а мы смотрѣли и старались помогать ей. Къ чаю выходилъ Константинъ Михайловичъ, присаживался ко столу и попивая изъ стакана, молча курилъ папирску. Онъ вообще былъ не разговорчивъ, но иногда вдругъ развеселится и расскажетъ что-нибудь забавное и всѣхъ насмѣшитъ до слезъ. Насъ дѣтей онъ очень любилъ и заботился о насъ по своему. Помню разъ, желая насъ повеселить на масляницѣ, онъ уговорилъ тетушку свезти насъ въ театръ на утренній спектакль. Никогда не забуду восторга, который охватилъ все мое существо, когда я очутился въ ложѣ Малаго Театра. Шелъ водевиль: „Левъ Гурычъ Синичкинъ“ съ любимцемъ московской публики—старикомъ Живокини. Какъ теперь вижу его грузную фигуру въ широчайшемъ сюртукѣ, клѣтчатою жилетѣ и бланжевыхъ панталонахъ; когда онъ спускается въ оркестръ и начинаетъ бить въ турецкій барабанъ. Одно появленіе на сценѣ Живокини вызываетъ смѣхъ въ публикѣ; въ немъ все забавно: губастое лицо, нависшій грушей носъ, тройной подбородокъ, объемистое „чрево“, походка, голосъ; особенно голосъ—скрипучій сиплый, съ уморительными верхними нотками. Нельзя не смѣяться, когда онъ на сценѣ. Такимъ же непосредственнымъ природнымъ комизмомъ отличалась въ то время (конецъ 60-хъ и нач. 70-хъ год.) въ Маломъ Театрѣ комическая старуха—Акимова, превосходно игравшая свахъ, ключницъ и купеческихъ приживалокъ. Я видѣлъ ее въ первый разъ въ „Женитьбѣ Бальзамина“ . Оба эти любимца московской публики—Живокини и Акимова, имѣли ту особенность, что во всѣхъ роляхъ оставались сами собой; не они воплощали собой роль, а роль воплощалась въ нихъ. Кто видѣлъ, напримѣръ, Живокини хотя бы разъ въ роли Осипа въ Ревизорѣ, тотъ не можетъ себѣ представить слугу Хлестакова въ иномъ образѣ.

Сцена Московскаго Малаго Театра въ мои дѣтскіе годы блистала первоклассными талантами. Эго былъ періодъ пьесъ Островскаго, и въ нихъ выступали лучшія силы: Шумскій, Провъ Садовскій, Сама-